

ОБРАЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. КУПРИНА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июля 2016 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу публицистических произведений А. И. Куприна, написанных в период эмиграции. Особое внимание уделяется особенностям создания образа дореволюционной России в его очерках и статьях.*

Ключевые слова: *А. И. Куприн, первая волна российской эмиграции, публицистика русского зарубежья.*

Abstract: *the article is to analyse the publicistic works by A. I. Kuprin created in emigration. Special attention is paid to the peculiarities of creating the image of pre-revolutionary Russia in his essays and articles.*

Key words: *A. I. Kuprin, the first wave of Russian emigration, Russian emigre public writing.*

А. И. Куприн, покинувший родину в 1919 г., в эмиграции активно занимался публицистической работой. Как и большинство эмигрантов первой волны, он уделял серьезное внимание обсуждению проблемы судьбы России. Мысли о родине, ее прошлом, настоящем и будущем стали ядром его художественных произведений, а также многочисленных статей, очерков, опубликованных на страницах периодических изданий русского зарубежья («Новая русская жизнь», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Отечество», «Общее дело», «Сегодня», «Русская газета» и др.).

Воспринимая революцию как «нелепый и гибельный эксперимент» [1, 188], оценивая большевиков как шайку «заведомых убийц, сутенеров и мошенников, самозвано именующих себя русским правительством» [1, 120], Куприн в публицистике периода эмиграции часто обращался к опыту дореволюционной России. Он стремился воссоздать образ былой родины, безвозвратно утраченной, проанализировать ее прошлое, сопрягая его с настоящим. Подобное явление закономерно для эмиграции первой волны, отличительной чертой которой стало стремление сохранить Россию вне России, а главной целью – преумножение наследия русской культуры.

Пристальное внимание эмигрантов к прошлому отчасти объясняет И. А. Бродский, утверждая, что всякому изгнаннику присущ «гипертрофированный ретроспективизм». Он писал: «Ретроспекция занимает в его существовании чрезмерное место. Она заслоняет реальность и затемняет будущее завесой куда более внушительной, чем самый густой туман. У изгнанника, как у дантовских лжепророков, голо-

ва постоянно отвернута назад, и слезы или слюна текут по спине. Пишущий же, даже получив свободу передвижения, не может никак оторваться от мира своего прошлого...» [2, 3].

Ностальгические ноты по ушедшей России, неповторимому московскому быту звучат и в художественных, и в публицистических произведениях Куприна. Многие его статьи и очерки пронизаны чувством безудержной, хронической тоски по родине. В 1923 г. он с грустью писал: «Боль и тоска по родине не проходят, не притерпливаются, а все чаще и глубже» [3]. В очерке «Родина», опубликованном в рождественском номере «Русской газеты» за 1924 г., он замечал: «А теперь болезнь (ностальгия – С.Г.) потеряла остроту и стала хронической. Живешь в прекрасной стране, среди умных и добрых людей, среди памятников величайшей культуры... Но все точно понарошку, точно разворачивается фильма кинематографа. И вся молчаливая, тупая скорбь о том, уже не плачешь во сне и не видишь в мечте ни Знаменской площади, ни Арбата, ни Поварской, ни Москвы, ни России, а только черную дыру» [4, 22–23].

Именно поэтому для Куприна важно оживить в публицистических произведениях приметы былой родины, ее краски, запахи и звуки. Оттуда, из зарубежного далека, она видится ему не иначе как светлой, почти сказочной страной. В статье «Неизвестный солдат» он расставляет принципиальные для русского зарубежья акценты, замечая, что Россия была «прежде сильная и богатая, а ныне обобранная, обнищавшая, в струпьях, загнанная в какой-то мрачный, зловонный тупик» [4, 317].

Критик Ю. И. Айхенвальд заметил о его прозе: «и на чужбину перенес Куприн свое любовное внимание к быту» [5]. Это утверждение справедливо и по

отношению к публицистике Куприна. Например, в очерке «Московская Пасха» он в репортажной манере воспроизводит множество фрагментов грандиозного религиозного праздника: «Московские бульвары зеленеют первыми липовыми нежными листочками. От вкрадчивого запаха весенней земли щекотно в сердце. По синему небу плывут разметанные веселые облачка; когда смотришь на них, то кажется, что они кружатся, или кружится пьяная от весны голова» [4, 34].

И. Лукаш, откликаясь в рецензии 1932 г. на роман Куприна «Юнкера», особо выделил образ Москвы, который удалось создать автору, когда «скудная нить происшествий» унизана, охвачена с изумительной силой воздухом Москвы, струящимся, дышащим и светящимся радостным светом в каждом воспоминании, в каждой, самой незначительной подробности, отмеченной художником, и в любом описании им вещей или людей» [6]. Подобное утверждение критика справедливо и в отношении очерка Куприна «Московская Пасха», в котором тоже присутствует «магия оживляющего воспоминания» [6].

Все приметы пасхальной Москвы, воссозданные публицистом, складываются в причудливую мозаику праздника: «Воздушные шары покачиваются высоко над уличным густым движением на невидимых нитках разноцветными упругими легкими весенними гроздьями. Халва и мармелад, пастила и пряники, орехи на лотках. Мальчишки на тротуарах у стен катают по желобкам яйца и кокаются ими» [4, 35]. Рассказывая о праздничной Москве, Куприн не устает повторять, «как истоиво-нарядна, как старинно-красива коренная, кондовая, прочная, древняя Москва» [4, 34].

В другом очерке – «Пасхальные колокола» – из массы деталей, милых сердцу эмигранта, буйства красок создается портрет праздничной Москвы: «Самый верхний этаж – и вот видна вокруг вся Москва: и Кремль, и Симонов монастырь, и Ваганьково, и Лефортовский дворец, и синяя изгибистая полоса Москвы-реки, все церковные купола и главки: синие, зеленые, золотые, серебряные...» [4, 38]. Любовно описывая пасхальные празднества, он с гордостью восклицает: «Подумать только: сорок сороков! И на каждой колокольне звонят теперь во все колокола восхищенные любители. Вот такая музыка! Где есть в мире такая?» [4, 38].

В каждой строчке живет память сердца Куприна, он пытается в очерках и статьях воссоздать потерянный и невозвратимый рай, каким ему виделась в эмиграции прежняя жизнь. Дореволюционный быт в его публицистике поднимается до уровня бытия; это приметы той былой России, о которой Саша Черный писал в сборнике «Жажда»: «И встает былое светлым раем, / Словно детство в солнечной пыли...» [7].

В публицистике Куприна периода эмиграции постепенно формируется мифологизированный

образ дореволюционной России – страны гармоничного, детского рая. Он создается из мелких деталей: пасхального стола, заставленного бутылками и снедью; волнующего весеннего запаха камней тротуаров и мостовой Москвы; пухлых белых облаков, которые плывут, чуть не задевая за крест колокольни; острых детских криков, которые разносятся по улице; сыро и древне пахнущих стен старой колокольни; невыразимо вкусного душистого чая с шафранным куличом и с пасхой; колокольного звона, такого оглушительного, такого тысячезвучного медного рева, что больно становится в ушах и дрожит каждая частичка тела...

Образ былой родины в публицистике А. И. Куприна окружен ореолом мечты, он рассказывает о прошлом как о желаемом настоящем. Ему, как и всем эмигрантам, хочется обрести родину, но не новую (советскую), а старую, дореволюционную. Современный исследователь литературы русского зарубежья А. В. Млечко справедливо отмечает существование «эмигрантского мифа», элементы которого структурируются вокруг трех основных мифологем – «дореволюционная Россия, русская революция, эмиграция. При этом дореволюционная Россия вписывалась в символическую парадигму мифологемы Космоса (с ее положительной и «созидательной» аксиологией)» [8, 545].

Отметим, что по временной шкале «эмигрантский миф» направлен в прошлое, в нем идеализированное былое выступает в качестве эталона, на который следует равняться в настоящем. «Эмигрантский миф» помогает понять трактовка А. Ф. Лосева: «Миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность» [9, 9].

Дореволюционная Россия в творчестве А. И. Куприна предстает как самая подлинная реальность, высвеченная яркими красками, прошлое в его произведениях живет как настоящее. Он стремился увековечить богатства и ресурсы прежней России, которые накапливались и формировались столетиями. В статье «Мертвый счет» он вспоминал: «Когда-то у нас были чудесные молочные коровы – холмогорские и ярославки, и замечательный убойный черкасский скот; на южных и восточных степях паслись огромные стада овец; славились питомники охотничьих и сторожевых собак; были образцовые фермы и племенные куроводства; питомники древесные, фруктовые и ягодные; семеноводства – огородные и парниковые, а также лекарственных и медоносных трав; было пчеловодство и хмельники; были попытки завести шелководство в средних губерниях, и начались опыты грядковой культуры злаков...» [4, 292].

Публицист с сожалением замечал: «Как дым развеялся по ветру артели и кооперации. А как живо, с каким доверием и пользой они прививались! В прах рассыпалось кустарное производство, а в нем таились драгоценные ростки будущей громадной национально-народной промышленности» [4, 292].

«Кому мы предъявим этот мертвый счет?» [4, 292], – задается вопросом публицист и предлагает задуматься об этом читателям. Он напоминает аудитории, что «механическую породу воскресить немудрено. А любовное собрание не повторишь и породу не восстановишь» [4, 293].

Для Куприна особую ценность имеют человеческие ресурсы дореволюционного периода: «хорошая аристократия», «совсем недурной государственный служилый аппарат», «хорошая, хотя и болтливая интеллигенция», «рабочий, несравненно более развитой и великодушный, чем европейский», «стойкий, терпеливый, сообразительный мужик», «превосходнейший солдат» [4, 358–359].

Следует отметить, что отношение Куприна к дореволюционной России перекликалось с позицией многих публицистов-эмигрантов – И. А. Бунина, А. Т. Аверченко, Саши Черного, Надежды Тэффи и др. Бунин в былой России видел «мощь, сложность, богатство и счастье» [10, 125]. В «Окаянных днях» он отмечал: «Был народ в 160 миллионов численностью, владевший шестой частью земного шара, и какой частью? – поистине сказочно богатой и со сказочной быстротой процветавшей!» [10, 211].

А. Т. Аверченко в публицистическом цикле «Дюжина ножей в спину революции» (1921) писал «о старой, канувшей в вечность России»: «<...> до чего это была богатая, изобильная, роскошная страна, если последние три года повального, всеобщего, равного, тайного и явного грабежа все-таки не могут истощить всех накопленных старой Россией богатств» [11].

Размышляя о судьбе родины, Куприн-публицист много внимания уделял Белой армии, которая была для него значимой частью той, былой России. В оценке ее духовно-нравственного потенциала он близок позиции И. С. Шмелева, который в Белой армии видел душу родины, считал, что Белое движение «есть удержание России на гиблом срыве, явление бессмертной души Ее, – ценнейшего, чего отдавать нельзя, национальной чести, высоких целей, назначенных Ей в удел, избранности, быть может, – национального сознания» [12, 392].

Само существование Белой армии было для Куприна признаком здоровья русского народа, следования патриотическим традициям. Он рассматривал ее как серьезную моральную силу, которую необходимо сохранить в боевом состоянии. Особо он выделял Северо-Западную армию, штабную газету которой редактировал в 1919 г. В повести «Купол Св. Исаакия Далматского» (1928) Куприн писал:

«Я пламенный бард Северо-Западной армии. Я никогда не устану удивляться ее героизму и воспевать его» [13].

Часто в центре его публикаций оказывались Белые вожди, которые неизменно изображались Куприным как герои и истинные патриоты России. В статье «Неизвестный солдат» он утверждал, что «от Корнилова и Алексеева, через Колчака к Врангелю передается неугасимое жаркое пламя чистой любви к ней (родине – С.Г.) и бесхитростной веры в нее» [4, 317]. В очерке «Кровавые лавры» Колчак представлен как «лучший сын России» [4, 202], человек великой души, сильной воли и обаяния, моряк душой и телом, свято любящий родину и погибший за нее.

Куприн считал, что героические действия белогвардейцев, защищающих свою родину, создали уникальную книгу истории Белой Армии, с ее великими подвигами и с ее крестным мученическим путем. Он был уверен, что «эта книга останется бессмертной в будущей России. Никогда не предадутся забвению славные имена: Алексева, отца добровольческого движения; Корнилова и Каледина, которые чудом избежали страшной участи генерала Духонина, чтобы вскоре пасть так трагически» [4, 604–605].

По мнению публициста, белый протест имел громадное значение потому, что за ним стояла истинная Россия. Для Куприна важно, что «цивилизованному миру было предъявлено неоспоримое свидетельство того, что далеко не вся Россия согнула свою голову под большевистскую пядь и что белые воины, нашедшие теплый приют в доброй Европе, вошли под ее кров не как трусливые или корыстные беглецы, а как доблестные защитники своей родины, сделавшие невозможное для ее спасения, дравшиеся за нее до полного изнеможения <...>» [4, 605].

России прежней, дореволюционной, в публицистике Куприна неизменно противопоставлялись «кошмары советской действительности, перед которыми бледнеют сумасшедший дом, каторга, тифозный бред и сама преисподняя» [1, 232]. В России новой, советской, по его мнению, «к черту полетело все: ее слава, честь, здоровье, богатство, хозяйство, вера, творчество, интеллигенция, наука, история и даже песня...» [4, 412].

В отличие от большинства публицистов русского зарубежья, замечавших только отрицательные изменения на родине при новой власти, Куприн демонстрировал более широкий взгляд на Советскую Россию. В статье «Мой герой – правда» он утверждал, что «нет никакой Советской России, а есть та же самая русская Россия, подпавшая Божьим попустительством и капризом дьявола под власть слепых, глупых, безграмотных и бессовестных теоретиков, а также мстительной, жадной и злой сво-

лочи, а также еще мастеров, выжимающих золото из грязи и крови» [14]. Куприну было важно показать, что Россия большевистская – это родина, которая находится в беде, поэтому нельзя дистанцироваться от ее проблем.

Россия прошлая, воспринимаемая Куприным как некая точка опоры в настоящем, давала надежду на будущее родной страны. В его публицистике неизменно звучала вера в возрождение родины. В статье «Белое с голубым» он утверждал, что «Россия не умрет. Она восстанет из пожара и разрушения, омытая слезами и кровью, обновленная и сильная – та глубокая исконная, народная, христианская и крестьянская Россия, которая была всегда чужда завоевательной политике, которая так терпима к чужой нации и религии, так милостива к пленным, так ласкова к странникам, так неутомима в искании Бога и правды. Россия – столько раз доходившая до края бездны, скользившая, падавшая и вновь встававшая чудесными усилиями своей собирательной души» [1, 55]. В очерке «Рубец» (1927) он пророчески заметил: «Мы верим в то, что Россия выздоровеет от долгой и тяжелой болезни и вновь займет подобающее ей место среди мировых государств» [4, 594].

Предлагая читателям свой роман «Юнкера» Куприн написал: «Я хотел бы, чтобы прошлое, которое ушло навсегда, наши училища, наши юнкера, наша жизнь, обычаи, традиции остались хотя бы на бумаге и не исчезли не только из мира, но даже из памяти людей. «Юнкера» – это мое завещание русской молодежи» [15]. Сегодня стало очевидно, что статьи и очерки А. И. Куприна, в которых оживали приметы былой России, стали его завещанием всем русским людям. На страницах периодических изданий русского зарубежья он смог воссоздать облик дореволюционной России, страны, канувшей в небытие в вихре революции и гражданской войны, духовную верность которой эмиграция сохранила навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии : Публицистика (1919-1921) / А. И. Куприн; сост., вступ. ст.

*Воронежский государственный университет
Гладышева С. Н. кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории журналистики
E-mail: svetglad@mail.ru*

и коммент. Б. Хеллмана при участии Р. Дэвиса. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2001. – 431 с.

2. Brodsky J. The Condition We Call Exile / J. Brodsky // Writing in Exile. Renaissance and Modern Studies. University of Nottingham. – 1991. – Vol. 34. – P. 1-8.

3. Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости / М. К. Куприна-Иорданская.0, – URL: <http://www.litmir.co/br/?b=232801&p=1> (дата обращения: 15.03.2016).

4. Куприн А. И. Голос оттуда, 1919–1934 : Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные некрологи. Заметки / А. И. Куприн; сост., вступ. ст., прим. О. С. Фигурновой; ред. В. П. Кочетов. – Москва : Согласие, 1999. – 734 с.

5. Айхенвальд Ю. И. Литературные заметки / Ю. И. Айхенвальд // Руль. – 1928. – 7 марта.

6. Лукаш И. Юнкера. Новый роман А. И. Куприна / И. Лукаш // Возрождение. 1932. – 20 окт.

7. Саша Черный. Прокуроров было слишком много... / Саша Черный. – URL: http://rusilverage.blogspot.ru/2014/12/blog-post_81.html (дата обращения: 11.03.2016).

8. Млечко А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «современных записок» (1920–1940) / А. В. Млечко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 574 с.

9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Миф. Число. Сущность. – Москва : Изд-во Мысль, 1994. – С. 7–25.

10. Бунин И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 320 с.

11. Аверченко А. Т. Дюжина ножей в спину революции / А. Т. Аверченко. – URL: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/text_0140.shtml (дата обращения: 15.02.2016).

12. Шмелев И. С. Душа России / И. С. Шмелев // Собрание сочинений : в 5т. / И. С. Шмелев. – Москва : Русская книга, 1999. – Т. 7. – 592 с. (доп.).

13. Куприн А. Купол Св. Исаакия Далматского / А. Куприн. – URL: <http://www.dk1868.ru/history/Kuprin.htm> (дата обращения: 08.09.2014).

14. Куприн А. И. Мои герои – правда / А. И. Куприн // Русское время. – 1926. – 14 июля.

15. Карасев А. Завещание поручика Куприна / А. Карасев // Новый мир. – 2010. – № 4. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/4/re9.html (дата обращения: 17.02.2016).

*Voronezh State University
Gladysheva S. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the History of Journalism Department
E-mail: svetglad@mail.ru*